Сельское население Волго-Каспийского рыболовного района во второй половине XIX — начале XX века: особенности формирования, социальная структура, специфика хозяйственной деятельности[1]

С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко

Сергей Вадимович Виноградов, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, профессор кафедры истории, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056 Астрахань, ул. Татищева, 20.
E-mail: dissovetdm@yandex.ru

Юлия Геннадьевна Ещенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, доцент кафедры истории, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056 Астрахань, ул. Татищева, 20.
E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

EDN: ALJDCV

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена обострением продовольственных проблем в современном мире. Дефицит продуктов питания стимулирует научные поиски путей решения этих вопросов, в том числе с использованием исторического опыта. Волго-Каспийский рыболовный район в исследуемый период являлся крупнейшим поставщиком рыбы и рыбной продукции на отечественный продовольственный рынок. Однако лишь после отмены крепостного права и успешных преобразований в рыбной отрасли в результате Великих реформ 1860-х годов он стал привлекательным для переселенцев из других районов страны. Активной силой освоения рыбных ресурсов Волго-Каспия стали ловцы — сельские жители, для которых рыбный промысел являлся основной профессиональной деятельностью и источником средств для жизни. В статье исследуются особенности формирования, социальная структура и специфика хозяйственной деятельности сельского населения Волго-Каспийского рыболовного района во второй половине XIX — начале XX века. Авторы приходят к выводу, что сложившаяся модель освоения Волго-Каспийского рыболовного района, способствовавшая росту благополучия сельского населения, привлекала в регион все большее количество мигрантов. Но поощряя экономическую деятельность ловцов, государство не брало на себя ответственность за здравоохранение, образование и другие направления социальной поддержки, притом что рыболовство, особенно морское, являлось

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)», https://rscf.ru/project/23-28-00547.

травмоопасным видом деятельности. Более того, многие ловецкие поселения до начала XX века считались незаконными, а их жители в любое время могли быть выселены с обжитых мест. В статье использованы документы Государственного архива Астраханской области, материалы экономистов и исследователей рыбного промысла второй половины XIX — начала XX века, а также материалы регионального экономического журнала «Наш край».

Ключевые слова: Каспийское море, Волго-Каспийский рыболовный район, Астрахань, Волга, сельское население, ловцы, добыча рыбы, рыбопромышленник, трудовая миграция, торговля

Актуальность исследования обусловлена важностью продовольственной проблемы в современном мире. Дефицит продуктов питания стимулирует научную мысль на поиски решения этой проблемы, в том числе с использованием исторического опыта. Рассмотрим роль Волго-Каспийского рыболовного района в обеспечении продовольственной безопасности России на протяжении длительного исторического времени. В исследуемый период этот регион являлся крупнейшим поставщиком рыбы и рыбной продукции на отечественный продовольственный рынок.

Одним из источников исследования стали нормативно-правовые документы, опубликованные в собраниях законодательства Российской империи. Большое количество сведений и фактологического материала было также получено из фонда «Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами» Государственного архива Астраханской области. Нами использовались сведения из журналов заседаний Астраханского правления рыбных и тюленьих промыслов, списки учета арендаторов промысловых вод, дела об организации торгов по билетному лову за разные годы и т. д. Большой пласт изученных архивных материалов касается правительственных инициатив по введению в действие Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов 1865 года, а также особенностей его реализации в регионе: рапорты участковых надзирателей об организации рыбодобычи, жалобы ловцов, информация смотрителей рыболовных промыслов о количестве выловленной рыбы и т. д.

Сведения демографического характера содержатся в данных ревизий по учету жителей различных городов и поселений Астраханской губернии, а также в делопроизводственной документации Астраханского губернского статистического комитета. Некоторые документы вводятся в научный оборот впервые, в их числе «Записка о происхождении самовольных поселков Астраханской губернии в связи с историей колонизации Астраханского края» от 19.02.1898 года[2], «Краткий исторический

2. Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО). Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162.

обзор Каспийско-Волжского рыболовства и Устав» от 15.05.1895 года[3], «Рапорты землемеров о проходящих работах по снятию плана береговой полосы части Каспийского моря»[4].

Во второй половине XIX — начале XX века проблемы освоения и развития Волго-Каспийского рыболовного района исследовались чиновниками имперского и местного уровня, а также учеными, изучавшими Каспийское море и прилегающие к нему районы (Гримм, 1896; Кевдин, 1915; Кузнецов, 1902; Бородин, 1903; Никольский, 1898). Большая работа по осмыслению истории колонизации Волго-Каспийского рыболовного района в XVIII–XIX веках велась в 1920-е годы астраханскими экономистами и краеведами, сотрудничавшими с журналами «Астрахань и Астраханский край» и «Наш край» (Кисилевич, 1924; Юдин, 1925; Зыков, 1924; Милованов, 1924; Загородников, 1929). Закрытие этих краеведческих изданий в конце 1920-х годов притормозило на длительное время исследовательскую работу по истории Волго-Каспийского рыболовного района.

Особенности формирования и развития рыболовецкого населения в различных регионах России во второй половине XIX — начале XX века являются предметом исследования целого ряда современных историков (Южакова, 2008; Емельянов, 2015; Манджиев, 2020; Батмаев, Кольцов, Мургаев, Умгаев, 2021; Зиновьев, 2009; Шкунов, 2022). Активно продвигается изучение поморского населения северных регионов России в работах З. А. Тарховой (Тархова, 2021), И. Н. Тяпина (Тяпин, 2023), С. В. Лебедева (Лебедев, 2013). Истории дальневосточного рыболовецкого населения в исследуемый период в своих работах касаются А. П. Кузнецов (Кузнецов, 2013), А. Т. Мандрик (Мандрик, 1994), Л. И. Галлямова (Галлямова, 2013) и другие. Необходимо отметить, что ученые Дальнего Востока значительное место в своих работах уделяют роли иностранцев в развитии рыбного промысла этого региона (Гантимуров, 2011; Курмазов, 2005; Воробьева, 2024; Мандрик, 2008). Это тот аспект, который в изучаемый период кардинально отличал дальневосточное рыболовство от волго-каспийского, в котором влияние иностранцев на развитие рыбного промысла было минимальным.

Темам освоения природных ресурсов окраинных российских регионов, особенностям их освоения и заселения, которые тесным образом переплетаются с проблемами формирования сельского рыболовецкого населения в различных российских регионах, посвящено значительное количество работ в современной историографии, что лишний раз подтверждает их актуальность и востребованность, а также необходимость их дальнейшего продолжения и развития (Белоусов, 2011; Гранкин, 2021; Дамешек, 2011; Архипов, 2015).

3. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27.
4. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 28.

Специфика хозяйственной деятельности Волго-Каспийского рыболовного района

Пространство Нижнего Поволжья и Северного Каспия от г. Саратова на севере и до полуострова Мангышлак и устья реки Терек на юге в правительственных документах второй половины XIX — начале XX века обозначалось как Волго-Каспийский рыболовный район (далее — район)[5]. В административном отношении большая часть этого района находилась в границах Астраханской губернии, а все территориальные органы управления Волго-Каспийскими рыбными и тюленьими промыслами располагались в Астрахани. В хозяйственном отношении Волго-Каспийский рыболовный район отличался как от соседних российских губерний Поволжья и Северного Кавказа, где основой экономики являлось земледелие, так и от скотоводческих территорий Калмыкии и Казахстана. В районе, в силу наличия значительных рыбных ресурсов и запасов соли, сформировался особый экономический контур, основанный на рыбном промысле. Для России с ее рискованным северным земледелием и периодическими неурожаями, Волго-Каспийский рыболовный район стал значимым и стабильным поставщиком продовольствия — рыбы и рыбных товаров. Поэтому стратегической задачей Российского государства начиная с XVI века стало удержание и освоение региона. Для этого правительство, применяя различные стратегии, стремилось заселить Волго-Каспийский рыболовный район. Но в условиях крепостного права добиться серьезных успехов в решении этой проблемы не удавалось (Виноградов, Ещенко, Савельева, Лихолет, 2022: 1565–1566). Так, попытка освоения территории Астраханской губернии во второй половине XVIII века с помощью льготной продажи земель дворянству, чтобы оно, как и в других регионах страны, заселяло их крепостными крестьянами, провалилась, так как крепостной труд в рыбном промысле оказался неэффективным, а развивать земледелие из-за климатических особенностей было невыгодно. В таких условиях государство вынуждено было лояльно относиться к вольной миграции в регион[6].

Рыбные богатства и свободные, незаселенные пространства привлекали в Астраханскую губернию предприимчивых людей из разных сословий общества. Среди переселенцев было много беглых крепостных, нарушителей закона и т. д. В низовьях Волги, среди многочисленных рек и озер ее дельты, такие вольные мигранты с XVIII века стали создавать поселения. Помимо близости к рыбным угодьям эти места являлись естественной защитой от нападения

5. Устав Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов (выработанный Комиссией при Департаменте земледелия и сельской промышленности). Б.м.: Типография и Литография Л. Бермана и Г. Рабинович, б.г. С. 1–2.
6. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1 об.–2.

кочевников (Белоусов, 2021а, 2021б; Ещенко, Красноженова, 2023). Основным занятием переселенцев в низовьях Волги была рыбная ловля, а жители рыболовных поселков стали называть себя ловцами. Популярное в настоящее время слово «рыбак», обозначающее рыболова, до 1930-х годов в Волго-Каспийском рыболовном районе имело другое смысловое содержание — скупщик рыбы (Виноградов, Турицын, Ещенко, Савельева, 2021: 753).

Новый импульс трудовая миграция в Астраханскую губернию получила после отмены крепостного права. В рамках либерального Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, принятого правительством в 1865 году, в рыбной отрасли района были осуществлены серьезные преобразования. Еще до принятия Устава, в 1864 году в Астраханской губернии в качестве эксперимента правительственные структуры начали вводить так называемый билетный лов. Для этого все государственные рыболовные воды поделили на участки. Покупка за умеренную цену билета давала право на осуществление лова в течение года или сезона, в зависимости от стоимости билета, и получение прибыли от продажи рыбы[7]. Через три года успешный опыт билетного лова стал распространяться правительством на другие рыболовные районы страны (Никольский, 1898: 7).

Министерство государственных имуществ в течение трех лет (1865–1868) сумело выкупить у помещиков земельные участки, расположенные у моря[8]. Таким образом, была сформирована полоса земли (шириной в одну квадратную версту и общей площадью приблизительно в 350 квадратных верст) по северному побережью Каспия от реки Терек на западе до реки Эмбы на востоке. Эта территория стала фактически «свободной экономической зоной»[9]. На нее правительством были распространены льготные условия для развития мелкого и среднего предпринимательства, через наем в аренду за умеренную плату (от 75 коп. до 3 р. 50 к. за 1 га, в зависимости от расположения участка) на долговременный период (минимум 25 лет) небольших земельных участков (400 м2) для осуществления хозяйственной деятельности, связанной с добычей и переработкой рыбы[10]. На протяжении второй половины XIX века постепенно улучшались условия кредитования для мелких и средних арендаторов и ловцов. Причем правительство следило за соблюдением баланса, не позволяя через различные административные, налоговые и прочие инструменты крупному рыбопромышленному капиталу поглотить небольшие предприятия (Зыков, 1924: 130).

7. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.
8. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–10.
9. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.
10. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 35. Л. 147.

В результате успешных преобразований Волго-Каспийский рыболовный район в исследуемый период стал лидером рыбной отрасли Российской империи и значимой величиной мирового рыболовства. За период 1860–1900 годов волго-каспийская рыбодобыча увеличилась в 2,6 раза: со 140 360 т до 360 400 т и продолжала устойчиво расти (Зыков, 1924: 131). В 1913 году район давал 56% общероссийского и 6% мирового улова рыбы (Кевдин, 1915: 91; Мейснер, 1932: 7–8).

Проблемы заселения окраинного региона

После 1861 года трудовая миграция в Астраханскую губернию постоянно росла. Она делилась на сезонную и переселенческую. Большая часть сезонных мигрантов, а это в основном были крестьяне, каждую весну, перед ходом рыбы на нерест, прибывали в Астрахань на заработки. Они нанимались в качестве рабочих на промыслы, принадлежавшие купцам-рыбопромышленникам. Оплата таких работников по астраханским меркам была низкой, но для крестьян из центральных и поволжских губерний это были значимые суммы, которые они не могли заработать в своих деревнях, занимаясь земледелием (Бородин, 1903: 22).

В это же время в Астраханскую губернию увеличивался поток людей, приезжавших на постоянное место жительства. По темпам роста населения губерния занимала одну из лидирующих позиций в стране, наряду с Санкт-Петербургской и Ростовской. С 1861 по 1913 год население Астраханской губернии выросло с 400 тыс. до 1,2 млн чел. (Виноградов, Турицын, Ещенко, Савельева, 2021: 756). Значительная часть приезжих оседала в низовьях Волги. Многие из них уже имели опыт работы в рыбной отрасли в качестве сезонных рабочих. Как правило, эти люди, становились речными ловцами, либо нанимались в бригады к морским ловцам. Наиболее расчетливые и удачливые сами в перспективе становились морскими ловцами или перекупщиками рыбы.

По первой Всероссийской переписи 1897 года лиц «самостоятельно занятых в рыболовстве» в Астраханской губернии насчитывалось 124 тыс. чел. Однако В. А. Кевдин, комментируя эти данные, подвергал их сомнению, считая, что в реальности ловцов было значительно больше (Кевдин, 1915: 22–23). Известный исследователь рыбного промысла В. И. Мейснер, опираясь на материалы Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи, утверждал, что ловецкое население Волго-Каспийского рыболовного района составляло минимум 400 тыс. чел., не считая членов их семей (Мейснер, 1932: 21–22). Меньшие данные, 120–150 тыс. чел., без членов семей, в 1913 году приводили другие исследователи Волго-Каспийского рыбного промысла — К. А. Кисилевич, Ф. Загородников (Кисилевич, 1924: 4; Загородников, 1929: 43) и др.

По наблюдениям современников, после введения в действие Устава 1865 года на пустовавших землях в дельте Волги стали быстро расти новые ловецкие поселения, увеличивалось население уже имевшихся сел и поселков (Зыков, 1924: 132).

Все ловцы района подразделялись на речных и морских. Большинство, приблизительно 70%, были морскими ловцами, и только 30% относились к категории речных ловцов. Морское ловецкое население преобладало в дельте Волги от Астрахани и до Каспийского моря, а поселения речных ловцов были разбросаны вдоль Волги от Саратова и до ее низовьев[11]. Часть земледельческого населения северных районов Астраханской губернии также предпочитало наниматься наемными рабочими на промыслы купцов-рыбопромышленников[12].

По мнению чиновника Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов К. Н. Лебедева, в официальных отчетах занижались данные по безбилетным (неучтенным) ловцам. В основном это были приезжие из других губерний, сбивавшиеся в бригады и занимавшиеся незаконной добычей рыбы в низовьях Волги и на каспийском мелководье. По его подсчетам, в 1885 году в дельте Волги незаконным браконьерским промыслом занималось не менее 10 тыс. чел.[13]. У таких браконьеров в 1880–1890-е годы имелись в дельте Волги и на островах Каспийского моря укромные убежища, позволявшие скрываться от сил правопорядка. Например, в отчетах участковых надзирателей часто фигурировал труднодоступный схрон «Гуниб»[14].

Специфика хозяйственной деятельности ловецкого населения

Исследователи рубежа XIX — начала XX века отмечали устойчивый рост доходов и благосостояния в поселениях морских ловцов[15]. Их семьи жили в добротных домах, хорошо питались и одевались. К. А. Кисилевич выделял следующие признаки подъема хозяйства морских ловцов: хорошее состояние ловецких судов, «многие из которых имели новые, абсолютно белые паруса», и наличие в запасе нескольких комплектов достаточно дорогостоящих рыболовных снастей и сетей (Кисилевич, 1924: 20).

11. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1 об.
12. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.
13. Протоколы Комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов: в 7-ми ч. Ч. V: 1882–1885 г. Астрахань: Паровая новая русская типография, 1894. С. 154–157.
14. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 966. Л. 18.
15. Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1874 г. Астрахань: Губернская типография, 1875. С. 49–50.

В первой половине XIX века морские ловцы занимались в основном добычей красной рыбы у восточного побережья Каспия в районе впадения в море реки Эмбы, это был так называемый «эмбенский лов» (сейчас территория Республика Казахстан)[16]. Но примерно с 1870-х годов, в связи с истощением запасов осетровых, ловцам частично пришлось перейти на смешанный лов, то есть заниматься дополнительно выловом сельди и частиковых рыб. Как бы то ни было, морские ловцы успешно приспосабливались к изменениям в конъюнктуре и наращивали свои доходы. Крупные рыбопромышленники, владевшие рыболовными промыслами в устье Волги, часто жаловались властям, что ловцы, добывая рыбу в море, периодически «облавливали» их, особенно это касалось осетровых рыб, что больно било по купеческим заработкам[17]. По размерам хозяйства и типу рыболовного судна морские ловцы в районе делились на три группы: ловцы-стоечники, русские ловцы-реюшечники и калмыцкие и казахские ловцы-бударочники.

Самым эффективным и доходным видом морского рыболовства являлось стоечное, называвшееся так по типу рыболовецкого судна, использовавшегося при добыче рыбы. Стоечным судном называли большую, в 15–20 м в длину и водоизмещением в 30–50 т., двухмачтовую палубную лодку, способную длительное время находиться в море. Название это судно получило по тактике лова. Доходя до места добычи, оно закреплялось якорем и стояло во время хода рыбы несколько месяцев, являясь для ловцов одновременно складом и местом пристанища. Помимо этого, стоечное судно использовалось как место для просушки и починки сетей и оборудования. Экипаж стойки состоял из 8–12 чел., включая лоцмана, услуги которого ловцы оплачивали весьма щедро. Добыча рыбы осуществлялась с помощью более мелких судов, подчалков — небольших безмачтовых лодок с экипажем из двух ловцов. С них выставлялись сети и вывозился улов к приемочным судам. Название эти лодки получили от толстой веревки — чалки, с помощью которой прикреплялись к стоечному судну во время его хода к месту лова. Стандартное стоечное судно имело 2–3 подчалка.

Стоечники представляли собой ловецкую элиту. Их рыболовные хозяйства были экономически самыми мощными и дорогостоящими в ловецких поселках. Стоимость стоечной лодки в 1913 году составляла приблизительно 800–1000 руб., ее рыболовное снаряжение — еще 1500 руб. Чистый годовой доход ловца-стоечника составлял приблизительно 1000 руб. К тому же в хозяйстве ловцов-стоечников использовалось от 5 до 10 наемных рабочих — «сотоварищей», как они назывались в ловецкой среде (Кисилевич, 1924: 20).

16. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.
17. Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 г. / Изд. Астраханского губ. стат. комитета. Астрахань, 1915. С. 34.

Высокие доходы морских ловцов привлекали к рыбному промыслу все новые волны переселенцев в регион, являлись вдохновляющим стимулом, заставлявшим их изучать рыбное дело и совершенствоваться в нем. А работа в ловецкой бригаде «товарищем» была для начинающих важной ступенью в приобретении ловецкого мастерства. Ловцы проводили тщательный отбор кандидатов в свою ватагу, решительно избавляясь от не справившихся после первого же сезона. Впрочем, в желающих попасть в работники в стоечную бригаду недостатка не было. Многие «товарищи» в будущем становились морскими ловцами (Виноградов, Ещенко, Красноженова, Кулакова, 2023: 1265).

Реюшка значительно уступала по габаритам стоечным судам, соответственно, и рыболовное снаряжение ее было значительно проще и дешевле. Это было парусное полупалубное судно длиной в 10 м и средней стоимостью 250 руб. Экипаж реюшки составлял 3–5 чел. Ловецкая тактика реюшечного лова отличалась от стоечной. Реюшки ненадолго выходили в море, обычно во второй половине дня, для постановки сетей, а утром снимали улов. Такой режим работы был обусловлен относительно небольшим размером судна, которому опасно было длительное время находиться в море. Исключением из этого режима являлись три недели в апреле-мае во время хода сельди, когда экипажи судов вынуждены были находиться в море постоянно. Именно в это время в случае удачных уловов ловцы-реюшечники резко повышали свои доходы. Со временем наиболее удачливые и умелые из реюшечников, скопив необходимый капитал, становились ловцами-стоечниками (Загородников, 1929: 45–46). Годовой доход одного ловца-реюшечника составлял 400 руб. и выше, в зависимости от хода рыбы (Никольский, 1898: 81).

В начале XX века одним из факторов роста морского лова в Волго-Каспийском рыболовном районе стало вовлечение в него соседних кочевых народов — калмыков и казахов. Уже в начале 1910-х годов количество их рыболовных судов на Каспии стало превышать количество русских реюшек и стоечных. Но особенно эта диспропорция стала увеличиваться в период Первой мировой войны, в связи с призывом русских ловцов в армию (Кисилевич, 1924: 8).

Бывшие кочевники использовали в своей работе лодки-бударки, которые были меньше реюшек, да и рыболовная снасть на них значительно уступала в цене реюшечной. Годовой доход ловца-бударочника уступал доходу ловца-реюшечника и составлял в среднем 200–250 руб. (Ещенко, Красноженова, 2023: 39).

Среди речных ловцов выделялись пять наиболее распространенных групп, в зависимости от оснащения и места лова: неводчики, плавичи, вентерщики, снастичи и ставичи.

Ловцы-неводчики работали бригадами (ватагами) по 12 работников в каждой. Рыбопромышленники сдавали им в аренду второстепенные участки в низовьях Волги, либо выше Астрахани. Обычно эти

рыболовные воды не давали крупных уловов. Основой снаряжения неводческой бригады являлся небольшой невод, на ловецком жаргоне «волокуша», и неводник — большая лодка, служившая для перевозки рыболовных орудий и самих неводчиков к месту лова[18]. Некоторые бригады получали от рыбопромышленников так называемую «прорезь» — лодку для сохранения улова. Улов неводчиков принимался хозяевами промыслов в последнюю очередь и по ценам значительно ниже рыночных, а в периоды обильного хода рыбы купцы вообще отказывались от их услуг. По своему качеству рыба в уловах таких ловецких бригад была ниже, чем в уловах на промыслах купцов-рыбопромышленников, где работали наемные работники. Это объяснялось, во-первых, лучшим снаряжением купеческих промыслов и, во-вторых, второстепенностью самих рыболовных участков, где работали неводчики и было много мелкой некондиционной рыбы (Загородников, 1929: 44–45).

Большой удачей для неводчиков считался прямой наем всей бригады для работы на купеческом промысле. Неводные ватаги часто формировались по национально-религиозному признаку. Выделялись русские или православные, казахские и калмыцкие ватаги. Среди рыбопромышленников особым спросом пользовались калмыцкие неводные ватаги. Они выше всех и оплачивались. Причиной этого являлись прагматичные соображения владельцев рыбных промыслов. Дело в том, что основной поток рыбы шел из Каспийского моря вверх по Волге на нерест в апреле-мае. Во время него и происходила основная добыча. На этот период у православных и мусульман приходились праздники, во время которых запрещалось работать. А у буддистов-калмыков праздники в это время отсутствовали, поэтому они могли работать в этот напряженный период без выходных (Бородин, 1903: 19).

Средняя стоимость оснащения для бригады неводчиков по ценам 1913 года составляла приблизительно 400 руб., что было по силам даже для небогатой части ловецкого населения. В год неводчик мог заработать, при хорошем лове рыбы, до 250 руб. (Кисилевич, 1924: 5).

Самой распространенной категорией речных ловцов являлись плавичи, занимавшиеся добычей рыбы на строго фиксированных участках рыболовных вод, именуемых «плавами». Как правило, такие ловцы брали эти воды в субаренду у более крупных арендаторов, не справлявшихся с добычей на арендованном участке. Плавичи не специализировались на добыче какой-то одной породы рыб, поэтому в их оснащении имелось несколько видов сетей, подразделявшихся на мелко-, средне- и крупноячейные.

Плавичи собирались в небольшие группы по 4–6 чел. и осуществляли добычу, используя небольшую лодку-остроноску.

18. Труды Астраханского губернского статистического комитета. Выпуск третий. Астрахань: Губернская типография, 1874. С. 29–30.

На ней располагалось по два ловца, чаще всего взрослый ловец и помогавший ему подросток. Вместе они закидывали, а затем доставали с уловом плавную сеть с нужной ячеей. Все оснащение для плавного лова, включая лодку-остроноску, которую даже без капитального ремонта можно было использовать не менее чем 10 лет, обходилось ловцу в сумму 150 руб. Отсюда популярность и широкое распространение этого вида лова среди городского населения и его концентрация в районе Астрахани. Для различных категорий городского населения (мелких и средних чиновников, ремесленников, рабочих городских предприятий и даже священнослужителей) занятие таким видом лова являлось средством дополнительного заработка, и плавичами они становились на время хода рыбы на нерест, по возможности оставляя на это время свои основные занятия. Плавной лов, учитывая оплату субподряда, в год мог принести ловцу 150–200 руб. в зависимости от хода рыбы (Бородин, 1903: 17). К тому же городские жители, занимавшиеся плавным ловом, создавали благоприятное общественное мнение вокруг ловцов, что помогало решать их проблемы в органах власти различного уровня (Кисилевич, 1924: 5).

Из-за хронических суставных болезней, которыми обычно страдали пожилые ловцы, они не выдерживали длительное пребывание в море, поэтому вынуждены были переходить на более щадящие виды лова, в том числе на снастный лов. Ловцы-снастичи специализировались на добыче рыбы осетровых пород. Так же как и плавичи, снастичи в основном использовали лодку-остроноску, удобную в небольших волжских протоках. Обычно они собирались в бригады из 6 чел. Основным рыболовным вооружением снастичей являлась крючковая снасть. Они размещали ее по маленьким речкам недалеко от ловецких поселков (Никольский, 1898: 38–39). Рыболовное оснащение для снастного лова обходилось ловцу в 60 руб., а годовой заработок составлял 150–250 руб.

Ловцы-вентерщики занимались добычей крупной частиковой рыбы: сазаном, судаком, лещом и т. д., которая обитала в покрытых густой растительностью приморских озерах, в самой нижней части дельты. Орудием лова для таких ловцов являлся так называемый вентерь — мешковидная сеть, стянутая четырьмя суживающимися к концу обручами. Ловцы устанавливали такие рыболовные устройства в озерах, в выкошенных среди камышовых зарослей участках, либо вдоль берегов небольших речек. Ловцами-вентерщиками становились жители северных уездов Астраханской губернии, приходившие в низовья на время хода рыбы, и после этого возвращавшиеся по домам. Они оставляли часть рыболовных орудий на месте лова до следующего хода рыбы, предварительно договорившись об их сохранности с жителями близлежащих рыболовных поселков (Милованов, 1924: 30–31). Типичная бригада вентерщиков состояла из 3–4 ловцов, располагавшихся

на большой лодке речного типа, где находилась их рыболовная снасть. Ежегодный доход одного вентерщика составлял 200 руб. при стоимости рыболовных орудий в 70–100 руб., которые распределялись между всеми членами бригады. Стоимость речной лодки составляла около 20 руб. (Кисилевич, 1924: 5).

Еще одним способом заработка для пожилых жителей ловецких поселков, а также для ловцов, по тем или иным причинам не вышедших на морской лов, являлось ставное рыболовство. Для его осуществления в волжских протоках со слабым течением, либо в ильменях ловцы вбивали в дно колья и ставили сети. Причем если вентеря ловцы прятали в прибрежных зарослях, то ставные сети ставились на открытой воде. Зачастую ставным ловом занимались 1–2 чел. Рыболовная снасть при таком виде рыболовства обходилась в 35 руб. В год один ловец, занимавшийся ставным ловом, зарабатывал до 140 руб. (Загородников, 1929: 44).

Создавая более или менее выгодные экономические условия для ловецкого населения района с целью привлечения новых переселенцев, государство устранялось от решения их социальных проблем. В ловецких поселениях отсутствовали какие-либо медицинские учреждения, хотя рыбный промысел, особенно морской, был очень травмоопасным, и многие ловцы погибали от отсутствия элементарной медицинской помощи (Полонский, 1898: 246). Что касается образования, то только богатые ловецкие селения могли содержать начальные школы. Государственные школы в ловецких селениях отсутствовали (Кисилевич, 1924: 20–21).

Долгое время правительство не могло определиться с решением проблемы статуса стихийно возникавших в районе с XVIII века ловецких поселений (Белоусов, 2021а, 2021б). Особую остроту эта проблема получила в пореформенный период в связи с быстрым ростом численности ловцов и увеличением, соответственно, количества новых поселений с неопределенным статусом. Об этом неоднократно докладывали в центральные органы империи астраханские губернаторы[19]. 28 июля 1878 года на заседании кабинета министров было принято Положение, по которому жителям незаконных ловецких поселений на 24 года разрешалось пользоваться землей, находившейся под их домами и хозяйственными постройками. Это было частичное решение, носившее ограниченный по времени характер, которое касалось только казенных земель, хотя подобные поселения находились и на частных землях, например, в Синеморском имении Кошелевых-Безбородко (Пелль, 1895: 23–24).

19. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «По предмету устройства поселков на прибрежной полосе Каспийского моря» от 28 июля 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. № 58747. Т. 53. Ч. 2. С. 54–63.

В начале XX века, по мере окончания срока аренды, проблема ловецких поселений вновь стала обостряться, находя на этот раз сочувствие у оппозиционно настроенных политических сил и прессы. Это подталкивало правительственные структуры к разрешению этого кризиса, тем более оно уже затрагивало судьбы не менее 300 тыс. чел. (Ещенко, Красноженова, 2023: 39).

В июле 1904 года по представлению министра внутренних дел В. К. Плеве кабинет министров принял Правила об общественном устройстве поселков[20]. Этот документ легализовал все ловецкие поселения, расположенные в нижнем течении Волги и на северном побережье Каспийского моря. Теперь они выходили из серой зоны, приобретая статус поселков мещан-землевладельцев и добровольных переселенцев, которые уже никто не имел права незаконно снести.

Заключение

Волго-Каспийский рыболовный район в исследуемый период — крупнейший в России поставщик рыбы и рыбных товаров, являвшийся стратегически важным для страны регионом, обеспечивавшим ее продовольственную безопасность.

Все попытки по заселению и освоению региона, предпринимаемые правительством до отмены крепостного права, не имели успеха, так как труд крепостных крестьян на рыбных промыслах был неэффективен, а вольная миграция в регион в тех экономических условиях была незначительной.

Освобождение крестьян и успешные преобразования в рыбной промышленности, осуществленные в рамках принятого в 1865 году Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, сделали регион привлекательным для переселенцев, которые теперь получили возможность зарабатывать и улучшать свое материальное положение, занимаясь рыбным промыслом.

Значительную часть сельского населения района составляли так называемые ловцы. Для этой категории населения лов рыбы являлся основным видом деятельности, а доступность рыбного промысла в исследуемый период привела к значительному увеличению населения губернии. И хотя первые ловецкие поселения появились в низовьях Волги еще в XVIII веке, окончательно эта социальная группа сформировалась после 1861 года. В нижнем течении Волги

20. Высочайше утвержденные Правила об общественном устройстве ловецких поселков Каспийского побережья в пределах Астраханского и Красноярского уездов Астраханской губернии от 12 февраля 1904 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. 28 сентября 1904 г. № 149. Ст. 1558. С. 2585–2586.

и на северном побережье Каспийского моря ловцы составляли абсолютное большинство населения.

Ловцы делились на две группы: речные и морские. Лов рыбы в Каспийском море в тот период был наиболее производительным, а морские ловцы являлись экономически наиболее сильной частью ловецкого населения, особенно это касалось владельцев стоечных судов. Для переселенцев, связывавших свою судьбу с Волго-Каспийским рыболовным районом, пример удачливого морского ловца, который за несколько лет мог стать зажиточным хозяином, стал образцом для подражания, стимулом к занятию промыслом и совершенствованию своих профессиональных навыков.

В отличие от морских, речные ловцы не были самостоятельными хозяевами и работали на арендных началах в рыболовных водах крупных рыбопромышленников. Помимо этого, речной лов мог оказаться дополнительным видом заработка для отдельных групп населения, в том числе и городского, либо для крестьян северных уездов Астраханской губернии, а также пожилых жителей ловецких сел.

Поддерживая ловцов как экономическую силу в освоении Волго-Каспийского рыболовного района, государство устранялось от решения их социальных проблем. Ловецкие поселения в исследуемый период не имели ни государственных школ, ни больниц или пунктов по оказанию первой медицинской помощи, хотя рыбный промысел был травмоопасным. Более того, многие ловецкие поселения, возникнув стихийно, находились вне закона. Лишь в 1904 году после многолетней бюрократической волокиты было принято правительственное решение об узаконении их административно-территориального статуса.

Библиография

Архипов С. В. (2015). Государственная переселенческая политика как один из факторов обеспечения национальной безопасности России в XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6–1 (56). С. 23–26.

Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А. (2021). В. Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // Oriental Studies. Т. 14. № 5. С. 910–918.

Белоусов С. С. (2011). Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XIX в. // Вопросы истории. № 3. С. 153–158.

Белоусов С. С. (2021а). Переселения крестьян на помещичьи земли в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) (Migration of peasants to landowners' lands in the North-Western Caspian region (the second half of the XVIII — first half of the XIX century) // Былые годы. № 16 (3). С. 1124–1131.

Белоусов С. С. (2021б). Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII — XIX в.) (Unauthorized fishing settlements of mi-

grants in Kalmyk lands, mid-18th and 19th centuries) // Oriental Studies. Т. 14. № 4. С. 685–696.

Бородин Н. А. (1903). Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб.: Тип. В. Киршбаума.

Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Красноженова Е. Е., Кулакова Н. И. (2023). Трансформация государственной модели регулирования трудовой миграции на окраинные территории Российской империи в XIX в. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. № 18 (3). С. 1263–1274.

Виноградов С. В., Турицын И. В., Ещенко Ю. Г., Савельева Е. В. (2021). Значение трудовой миграции в освоении окраинных территорий Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. № 16 (2). С. 750–759.

Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Савельева Е. В., Лихолет О. В. (2022). Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. № 17 (4). С. 1564–1574.

Воробьева Э. А. (2024). Японский рыболовный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.: новые аспекты // Вестник Томского государственного университета. История. № 90. С. 5–16.

Галлямова Л. И. (2013). Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П. А. Столыпина // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. № 1 (167). С. 73–80.

Гантимуров И. П. (2011). Защита экономических интересов России в области морского рыболовства на Дальнем Востоке (1821–1944) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. № 1 (155). С. 13–21.

Гранкин Ю. Ю. (2021). Параметры влияния политического центра России на окраинные территории в имперский период // Гуманитарные и юридические исследования. № 4. С. 32–37.

Гримм О. А. (1896). Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: тип. В. Демакова.

Дамешек Д. М. (2011). Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII — начало XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук. № 2. С. 61–65.

Емельянов О. Б. (2015). Промысловое рыболовство в казачьих станицах терского левобережья в первые пореформенные годы XIX в. // Археология и этнология Северного Кавказа. № 4. С. 57–75.

Ещенко Ю. Г., Красноженова Е. Е. (2023). Проблемы обустройства вольных мигрантов в Волго-Каспийский рыболовный район в пореформенный период (Problems of accommodation of free migrants in the Volga-Caspian fishing region in the post-reform period) // Вопросы истории. № 5 (2). С. 30–43.

Загородников Ф. И. (1929). Рыболовство Астраханского края. Астрахань: изд-во Астраханского ОкрОНО.

Зиновьев В. П. (2009). Озерное рыболовство в Сибири в XIX — начале XX века // *Зиновьев В. П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX — начало XX в. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 68–90.

Зыков Ф. П. (1924). Астраханские морские ловцы в прошлом и современное их положение (историко-статистический очерк) // Астрахань и Астраханский край. Сборник первый. Астрахань: Коммунист. С. 119–150.

Кевдин В. А. (1915). Современное рыболовство России. М.: тип. «Земля».

Кисилевич К. А. (1924). К вопросу о восстановлении ловецкого хозяйства // Наш край. № 1. С. 1–64.

Кузнецов А. П. (2013). Морские промыслы на Дальнем Востоке и российско-японские отношения в конце XIX — начале XX в. // Российская история. № 3. С. 114–124.

Кузнецов И. Д. (1902). Очерк русского рыболовства: промысел различных водяных животных. СПб.: тип. В. Киршбаума.

Курмазов А. А. (2005). Российско-японские рыболовные отношения в конце XIX — начале XX в. // Известия ТИНРО. Т. 142. С. 391–402.

Лебедев С. В. (2013). Русские поморы: прошлое, настоящее и будущее русского субэтноса // Вопросы культурологии. № 2. С. 66–70.

Манджиев А. К. (2020). К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // Монголоведение (Монгол судлал). Т. 12. № 2. С. 232–243.

Мандрик А. Т. (1994). История рыбной промышленности Российского Дальнего Востока (50-е годы XVII в. — 20-е годы XX в.). Владивосток: Дальнаука.

Мандрик А. Т. (2008). История японского рыболовства на Дальнем Востоке в оценке зарубежных исследователей // История Дальнего Востока России (вторая половина XIX — XX в.) в освещении отечественной и зарубежной историографии. Владивосток: Дальнаука. С. 236–246.

Мейснер В. И. (1932). Основы рыбного хозяйства: руководство к изучению рыбоведения и к постановке рационального рыбного хозяйства: общее введение. 2-е, перераб. изд. М.: Снабтехиздат.

Милованов С. (1924). Рыбный промысел Астраханского края за последние двадцать пять лет с его количественной стороны // Астрахань и Астраханский край. Сборник первый. Астрахань: Коммунист. С. 1–38.

Никольский А. М. (1898). Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: тип. Морского министерства.

Пелль Ф. А. (1895). Синеморские рыболовные промыслы. Астрахань: Типография Н. Л. Рослякова.

Полонский Г. Д. (1898). Работа фельдшерских пунктов на Астраханских рыбных промыслах // Рыбное дело. № 14. С. 246–248.

Тархова З. А. (2021). Кого считать поморами сегодня и «классические» поморы начала XIX в. в описаниях К. С. Молчанова // Известия Русского Севера. № 1–2 (81–82). С. 85–90.

Тяпин И. Н. (2023). Этническое происхождение и идентичность поморов: подходы, результаты выводы // Общество: философия, история, культура. № 10 (114). С. 96–103.

Шкунов В. М. (2022). Торговля рыбным товаром на ярмарках Поволжья в XIX веке // Cognito Rerum. Т. 5. С. 34–37.

Юдин П. (1925). К истории Астраханского рыболовства // Наш край. № 7. С. 58–69.

Южакова Т. Л. (2008). Традиции в рыболовстве казачества на реке Урал (рубеж XIX–XX вв.) // Культурная жизнь юга России. № 4 (29). С. 67–70.

Rural population of the Volga-Caspian fishing region in the second half of the 19th — early 20th centuries: Features of formation, social structure, specific economic activity[21]

Sergey V. Vinogradov, DSC (History), Chief Researcher, Center for the Study of the History of the Lower Volga Region in the Soviet Period; Professor, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University. Tatishceva str., 20 Astrakhan, 414056
E-mail: dissovetdm@yandex.ru.

21. This work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00547 “Model of regulation of labor migration in the Russian Empire in 1861–1914 (on the example of industrial and commercial clusters of the Volga-Caspian fishing region)”, https://rscf.ru/en/project/23-28-00547.

Yuliya G. Eshchenko, PhD (History), Senior Researcher, Center for the Study of the History of the Lower Volga Region in the Soviet Period; Associate Professor, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University. Tatishceva str., 20 Astrakhan, 414056 E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the growing food problems in the contemporary world. Food shortage stimulates scientific research, including in the historical perspective. The authors emphasize the importance of the Volga-Caspian fishing region for ensuring Russia's food security. In the period under study, this region was the largest supplier of fish and fish products to the national food market. But only after the abolition of serfdom and successful transformations in the fishing industry under the 1860s Great Reforms, the Volga-Caspian fishing region became attractive for migrants from other regions. In the second half of the 19th — early 20th centuries, fishermen (peasants) were an active force in the development of fish resources in the Volga-Caspian region, since fishing was their main professional activity and source of livelihood. The authors argue that the development model of the Volga-Caspian fishing region contributed to the well-being of its rural population and attracted an increasing number of migrants. However, while encouraging economic activity of fishermen, the state did not take responsibility for health care, education and other social spheres. Many fishing settlements were considered illegal until the early 20th century, and their residents could be evicted from homes at any time.

Key words: Caspian Sea, Volga-Caspian fishing region, Astrakhan, Volga, rural population, fishermen, fishing, labor migration, trade

References

Arkhipov S. V. (2015) Gosudarstvennaja pereselencheskaja politika kak odin iz faktorov obespechenija natsionalnoj bezopasnosti Rossii v XIX v. [State resettlement policy as a factor of Russia's national security in the 19th century]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Art. Issues of Theory and Practice*, no 6–1, pp. 23–26.

Batmaev M. M., Koltsov P. M., Murgaev S. M., Umgaev S. A. (2021) V. N. Tatishchev i voprosy uluchshenija ekonomicheskogo polozhenija kalmytskogo naroda [Vasily Tatishchev and issues of improving the Kalmyk people's economic situation]. *Oriental Studies,* vol. 14, no 5, pp. 910–918.

Belousov S. S. (2011) Gosudarstvennaja politika zaselenija Astrakhansko-Kizlyarskogo i Tsaritsynsko-Stavropolskogo traktov vo vtoroj polovine XIX v. [State settlement policy at the Astrakhan-Kizlyar and Tsaritsyn-Stavropol tracts in the second half of the 19th century]. *Issues of History*, no 3, pp. 153–158.

Belousov S. S. (2021a) Pereselenija krestjan na pomeshchichyi zemli v Severo-Zapadnom Prikaspii (vtoraja polovina XVIII — pervaja polovina XIX vv.) [Peasant resettlement to landowners' lands in the North-Western Caspian region (second half of the 18th — first half of the 19th century]. *Old Years*, no 16, pp. 1124–1131.

Belousov S. S. (2021b) Samovolnye pereselencheskie rybatskie poselki na kalmytskih zemljah (vtoraja polovina XVIII–XIX v.) [Unauthorized fishing settlements of migrants on Kalmyk lands (second half of the 18th–19th centuries]. *Oriental Studies*, vol. 14, no 4, pp. 685–696.

Borodin N. A. (1903) *Kaspijsko-Volzhskoe rybolovstvo i ego ekonomicheskoe znachenie* [Caspian-Volga Fishery and Its Economic Significance], Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.

Dameshek D. M. (2011). Okrainnaja politika kak faktor inkorporatsii sopredelnyh territorij Rossijskoj imperii (XVIII—nachalo XX v.) [Outskirts policy as a factor of incorporating adjacent territories of the Russian Empire (18th — early 20th centuries)]. *Bulle-*

tin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, no 2, pp. 61–65.

Emelyanov O. B. (2015) Promyslovoe rybolovstvo v kazachih stanitsah terskogo levoberezhya v pervye poreformennye gody XIX v. [Trade fishery in the Cossack villages at the left bank of the Terek River in the early post-reform years of the 19th century]. *Archeology and Ethnology of the North Caucasus*, no 4, pp. 57–75.

Eshchenko Yu.G., Krasnozhenova E. E. (2023) Problemy obustrojstva volnyh migrantov v Volgo-Kaspijsky rybolovny rajon v poreformenny period [Problems of settling free migrants in the Volga-Caspian fishing region in the post-reform period]. *Issues of History*, no 5, pp. 30–43.

Gallyamova L. I. (2013) Osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitija Dalnego Vostoka Rossii v kontekste reform P. A. Stolypina [Features of the social-economic development of the Russian Far East under P. A. Stolypin's reforms]. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 73–80.

Gantimurov I. P. (2011) Zashchita ekonomicheskih interesov Rossii v oblasti morskogo rybolovstva na Dalnem Vostoke (1821–1944) [Protection of Russia's economic interests in the sea fishery in the Far East (1821–1944)]. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 13–21.

Grankin Yu.Yu. (2021) Parametry vlijanija politicheskogo tsentra Rossii na okrainnye territorii v impersky period [Parameters of the Russian political center influence on the outlying areas in the imperial period]. *Humanities and Law Studies*, no 4, pp. 32–37.

Grimm O. A. (1896) *Kaspijsko-Volzhskoe rybolovstvo* [Caspian-Volga Fishery], Saint Petersburg: tip. V. Demakova.

Yudin P. (1925) K istorii Astrakhanskogo rybolovstva [On the history of Astrakhan fishery]. *Our Region*, no 7, pp. 58–69.

Yuzhakova T. L. (2008) Traditsii v rybolovstve kazachestva na reke Ural (rubezh XIX—XX vv.) [Cossack fishing traditions on the Ural River (at the turn of the 19th–20th centuries)]. *Cultural Studies of the Russian South*, no 4, pp. 67–70.

Kevdin V. A. (1915) *Sovremennoe rybolovstvo Rossii* [Contemporary Russian Fishery], Moscow: tip. "Zemlja".

Kisilevich K. A. (1924) K voprosu o vosstanovlenii lovetskogo khozjajstva [On the restoration of fishery]. *Our Region*, no 1, pp. 1–64.

Kuznetsov A. P. (2013) Morskie promysly na Dalnem Vostoke i rossijsko-japonskie otnoshenija v kontse XIX—nachale XX vv. [Sea fishery of the Far East and the Russian Japanese relations in the late 18th — early 20th centuries]. *Russian History*, no 3, pp. 114-124.

Kuznetsov I. D. (1902) *Ocherk russkogo rybolovstva: promysel razlichnyh vodjanyh zhivotnyh* [An Essay on the Russian Fishery: Catching Various Aquatic Animals], Saint Petersburg: tip. V. Kirshbauma.

Kurmazov A. A. (2005) Rossijsko-japonskie rybolovnye otnoshenija v kontse XIX—nachale XX vv. [Russian Japanese fishery relations in the late 19th — early 20th centuries]. *TINRO News*, vol. 142, pp. 391–402.

Lebedev S. V. (2013) Russkie pomory: proshloe, nastojashchee, i budushchee russkogo sub-`etnosa [Russian Pomors: The past, present and future of the Russian sub-ethnos]. *Issues of Cultural Studies*, no 2, pp. 66–70.

Mandzhiev A. K. (2020) K voprosu o razvitii rybolovstva u kalmykov v dorevoljutsionny period [On the development of the Kalmyk fishery in the pre-revolutionary period]. *Mongolian Studies*, vol. 12, no 2, pp. 232–243.

Mandrik A. T. (1994) *Istorija rybnoj promyshlennosti Rossijskogo Dalnego Vostoka (50-e gody XVII v. — 20-e gody XX v.)* [History of Fishery in the Russian Far East (1650s–1920s)], Vladivostok: Izd-vo "Dalnauka".

Mandrik A. T. (2008) Istorija japonskogo rybolovstva na Dalnem Vostoke v otsenke zarubezhnyh issledovatelej [History of the Japanese fishery in the Far East in the foreign researchers' perspective]. *Istorija Dalnego Vostoka Rossii (vtoraja polovina XIX–XX v.) v osveshchenii otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii*, Vladivostok: Izd-vo "Dalnauka", pp. 236–246.

Meisner V. I. (1932) *Osnovy rybnogo khozjajstva: rukovodstvo k izucheniju rybovedenija i k postanovke ratsionalnogo rybnogo khozjajstva: obshchee vvedenie* [Fundamentals of Fishery: A Guide to the Study of Fishery and Developing Rational Fisheries: A General Introduction], Moscow: Snabtekhizdat.

Milovanov S. (1924) Rybny promysel Astrakhanskogo Kraja za poslednie dvadtsat pjat let s ego kolichestvennoj storony [A quantitative assessment of fisheries in the Astrakhan Region over the last twenty-five years]. *Astrakhan i Astrakhansky kraj*, Astrakhan: Communist, pp. 1–38.

Nikolsky A. M. (1898) *Astrakhanskie morskie lovtsy. Statistiko-ekonomicheskoe opisanie* [Astrakhan Sea Fishermen. A Statistical-Economic Description], Saint Petersburg: tip. Morskogo ministerstva.

Pell F. A. (1895) *Sinemorskie rybolovnye promysly* [Sea Fisheries], Astrakhan: Tip. N. L. Roslyakova.

Polonsky G. D. (1898) Rabota feldsherskih punktov na Astrakhanskih rybnyh promyslah [Work of paramedic stations in Astrakhan fisheries]. *Fishery*, no 14, pp. 246–248.

Shkunov V. M. (2022) Torgovlja rybnym tovarom na jarmarkah Povolzhja v XIX veke [Fish trade at the Volga Region fairs in the 18th century]. *Cognito Rerum*, vol. 5, pp. 34–37.

Tarkhova Z. A. (2021) Kogo schitat pomorami segodnja i "klassicheskie" pomory nachala XIX veka v opisanijah K. S. Molchanova [Who should be considered Pomors today and "classic" Pomors of the early 19th century in the descriptions of K. S. Molchanov]. *News of the Russian North*, no 1–2, pp. 85–90.

Tyapin I. N. (2023) Etnicheskoe proiskhozhdenie i identichnost pomorov: podkhody, rezultaty, vyvody [Ethnic origin and identity of Pomors: Approaches, results, conclusions]. *Society: Philosophy, History, Culture*, no 10, pp. 96–103.

Vinogradov S. V., Eshchenko Yu.G., Krasnozhenova E. E., Kulakova N. I. (2023) Transformatsija gosudarstvennoj modeli regulirovanija trudovoj migratsii na okrainnye territorii Rossijskoj imperii v XIX v. (na primere Volgo-Kaspijskogo rybolovnogo rajona) [Transformation of the state model for regulating labor migration to outlying areas of the Russian Empire in the 19th century (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Old Years*, no 18, pp. 1263–1274.

Vinogradov S. V., Turitsyn I. V., Eshchenko Yu.G., Savelyeva E. V. (2021) Znachenie trudovoj migratsii v osvoenii okrainnyh territorij Rossijskoj imperii v 1861–1914 gg. (na primere Volgo-Kaspijskogo rybolovnogo rajona) [Meaning of labor migration for the development of outlying areas of the Russian Empire in 1861–1914 (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Old Years*, no 16, pp. 750–759.

Vinogradov S. V., Eshchenko Yu.G., Savelyeva E. V., Likholet O. V. (2022) Problemy osvoenija okrainnyh rossijskih territorij v XVIII v.: poisk strategii (na primere Volgo-Kaspijskogo rybolovnogo rajona) [Issues of the development of outlying Russian areas in the 18th century: In search of a strategy (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Old Years*, no 17, pp. 1564–1574.

Vorobyeva E. A. (2024) Japonsky rybolovny promysel na russkom Dalnem Vostoke v kontse XIX — nachale XX v.: novye aspekty [Japanese fishery in the Russian Far East in the late 19th — early 20th century: New aspects]. *Tomsk State University Journal of History*, no 90, pp. 5–16.

Zagorodnikov F. I. (1929) *Rybolovstvo Astrakhanskogo kraja* [Fishery in the Astrakhan Region], Astrakhan: Izd-vo Astrahanskogo OkrONO.

Zinovyev V. P. (2009) Ozernoe rybolovstvo v Sibiri v XIX — nachale XX veka [Lake fisheries in Siberia in the 19th — early 20th centuries]. Zinovyev V. P. *Ocherki sotsialnoj istorii industrialnoj Sibiri. XIX — nachalo XX v.*, Tomsk: NITGU, pp. 68–90.

Zykov F. P. (1924) Astrakhanskie morskie lovtsy v proshlom i sovremennoe ih polozhenie (istoriko-statisticheskiy ocherk) [Astrakhan sea fishermen in the past and their current situation (a historical-statistical essay)]. *Astrakhan i Astrakhansky kraj*, Astrakhan: Communist, pp. 119–150.